

Противоположности в борьбе и единстве: идея диктатуры и идея государства-вольницы как евразийские народно-государственные идеалы Н.Н. Алексева

© Е.А. Куликов

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

Аннотация: Автор анализирует описанные в трудах представителя евразийского направления политико-правовой мысли правоведа Н.Н. Алексева народно-государственные идеалы. Им посвящен труд мыслителя «Русский народ и государство», который, по сути, носит юридико-антропологический характер, поскольку в нем раскрываются представления об идеальном государстве и властителе широких слоев населения дореволюционной России. Предметом исследования в рамках настоящей статьи выступают два народно-государственных идеала, которые, на первый взгляд, являются непримиримыми противоположностями. Это развиваемая И.С. Пересветовым и Иваном IV идея диктатуры в интерпретации Н.Н. Алексева, а также государственные идеалы русской казацкой вольницы. Видимая несовместимость при более внимательном рассмотрении скрывает сущностную общность, деструктивный характер и деспотическое подавление личности, ее прав и свобод. В статье проводится сравнительный анализ, направленный на обоснование данного тезиса. Выделяются содержательные особенности названных идеалов, дается их характеристика, определяются общие черты. Согласно диалектическому закону единства и борьбы противоположностей показывается глубинное внутреннее родство идеи диктатуры и идеалов русской вольности. В силу такого родства не является случайностью проявление этих народных представлений о государстве и государственной власти в ходе революции 1917 года после крушения господствующей идеологии. Будучи демократическими по процессу формирования, эти идеалы не были демократичными по содержанию, и оказали определенное негативное влияние на происходящие в первой четверти XX века в России революционные процессы.

Ключевые слова: евразийство, Н.Н. Алексеев, народно-государственные идеалы, идея диктатуры, идеалы русской вольницы

Благодарности: Статья выполнена при финансовой поддержке фонда грантов Президента РФ для молодых кандидатов наук, Проект № МК-483.2020.6 «Евразийская альтернатива государственно-правового развития России: генезис, содержание, современное прочтение».

Информация о статье: Дата поступления 12 января 2020 г.; дата принятия к печати 25 февраля 2020 г.; дата онлайн-размещения 30 марта 2020.

Для цитирования: Куликов Е.А. Противоположности в борьбе и единстве: идея диктатуры и идея государства-вольницы как евразийские народно-государственные идеалы Н.Н. Алексева // Социальная компетентность. 2020. Т. 5. № 1. С. 6–17.

Unity and struggle opposites: the idea of dictatorship and the idea of free state as Eurasian nation-state ideals by N.N. Alekseev

© Egor A. Kulikov

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract: The author analyzes the national ideals in the works by representative of the Eurasian direction of political and legal thought jurist N.N. Alekseev. These ideals are described in the work of the thinker "Russian people and state", that actually is of legal and anthropological nature as it reveals the ideas about the ideal state and the ruler of the broad layers of the population of pre-revolutionary Russia. The study focuses on two people state ideals which are seemingly irreconcilable opposites. They are the idea of dictatorship developed by I.S. Peresvetov and Ivan IV as interpreted by N.N. Alekseev, as well as the state ideals of the Russian Cossack free will. When viewed more closely, the apparent incompatibility conceals the essential commonality, destructive nature and despotic suppression of the individuals, their rights and freedoms. The article performs a comparative analysis aimed at justifying this thesis, describes the in-depth features of the named ideals, provides their characteristics, and identifies their general features. According to the dialectical law of unity and struggle of opposites, the deep inner kinship between the idea of dictatorship and the ideals of Russian freedom is shown. Due to this kinship, manifestation of these ideal folk beliefs about the state and state power is no coincidence during the revolution of 1917, after the collapse of the dominant ideology. Being democratic in the process of formation, these ideals were not democratic in content, and thus influenced the revolutionary processes taking place in Russia in the first quarter of the XX century.

Keywords: eurasianism, N.N. Alekseev, people state ideals, the idea of dictatorship, ideals of the Russian free state

Acknowledgments: The article was implemented with the financial support of RF President Grant Fund for young candidates of sciences, Project № МК-483.2020.6 "The Eurasian alternative to the state and legal development of Russia: genesis, content, modern interpretation".

Article info: Received January 12, 2020; accepted for publication February 25, 2020; available online March 30, 2020.

For citation: Kulikov E.A. (2020) Unity and struggle opposites: the idea of dictatorship and the idea of free state as Eurasian nation-state ideals by N.N. Alekseev. *Sotsial'naya kompetentnost'* = Social Competence. Vol. 5. No. 1. P. 6–17. (In Russ.)

Введение

Революция 1917 года в России и последовавшая за ней гражданская война породили значительное количество политико-правовых учений, идеологий, доктрин, среди которых особое место занимает концепция евразийства (Назмутдинов, 2017. С. 30–33). Представители этого учения Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский, П.П. Сувчинский и др., а также их ученики и продолжатели, пытались последовательно проводить в своих трудах цивилизационный (духовно-культурологический) подход к анализу и оценке развития государств и обществ (Трубецкой, 2012. С. 118) на всем протяжении мировой истории, связывали геополитические, этнографические и государственно-правовые особенности России воедино, в общий органический строй евразийского российского суперэтноса (Гумилев, 2010. С. 59–62), выработали целостное объяснение движения отечественной истории вплоть до революции 1917 года, а также рекомендации по дальнейшему развитию российской политической, экономической и правовой системы (Савицкий, 2016. С. 170). Вплоть до сегодняшнего дня существуют последователи евразийства, в интеграционных процессах на постсоветском пространстве среди стран-участниц Содружества Независимых Государств (образование Таможенного союза, а затем ЕврАзЭС) проявляются отголоски воззрений евразийцев, в силу чего можно заключить, что исследования различных аспектов политико-правовой доктрины евразийства не утратили актуальности.

Особое место среди так называемых классических евразийцев занимает Н.Н. Алексеев. Необходимо прежде всего отметить, что этот мыслитель был, так сказать, не пожизненным евразийцем, а в его творчестве можно выделить евразийский период (Борщ, 2015. С. 28–32). На него приходится наиболее интересные и самобытные труды Алексеева, показывающие особенности отечественной правовой системы и государственного строя, на содержание которых отразились и его предшествующие научные изыскания по философии права, теории права и науковедению, а основные идеи работ евразийского периода, в свою очередь, оказали влияние и на последующие труды по теории государства. Н.Н. Алексеев – это евразиец-правовед, магистр юриспруденции, труды которого посвящены многим вопросам теории государства, а также отдельным проблемам теории и философии права. Среди всех работ евразийского периода данного мыслителя особое место занимает труд антрополого-юридического содержания «Русский народ и государство» (Алексеев, 2003. С. 68–119), отдельные части которого анализируются в рамках настоящей статьи.

Посвящен он отдельным самобытным идеалам государственности, имевшим место быть (да и по сей день имеющимся) у определенных «слоёв», «корпораций» русского народа. Эти идеалы опять же, отталкиваясь от наименования самой работы, а также рассуждая в рамках тематики настоящего исследования, можно назвать альтернативными евразийскими народно-

государственными идеалами дореволюционной России. Такое понятие подчеркивает народный, но вместе с тем и государственный характер этих идеалов, а также акцентирует внимание читателя на их альтернативном по отношению к господствующим воззрениям и противоположным им подходам и концепциям характер. Само название анализируемой работы Н.Н. Алексеева свидетельствует о том, что она представляет собой освещение воззрений на государство широких масс русского народа. Именно такой она и выступает: мыслитель не заостряет внимание на государственно-правовых чаяниях интеллигенции, и в основном описывает не вполне традиционные, но исконно русские государственные идеалы. Причем в конце своей работы Н.Н. Алексеев делает парадоксальный вывод о том, что часть этих народно-государственных идеалов именно в силу их народного характера нашли воплощение в советской государственности после социальной революции 1917 года. По мнению мыслителя, к народно-государственным идеалам необходимо относить: 1) иосифлянскую неограниченную монархию, в той или иной степени господствовавшую в России до 1917 года, и сохранившую отдельные черты при смене формы правления в дальнейшем; 2) православную правовую монархию нестяжателей, разработанную в трудах так называемых заволжских старцев и их последователей, и на протяжении всей отечественной истории выступающую альтернативой господствующей иосифлянской модели; 3) идею диктатуры, теоретиком которой выступил преимущественно И.С. Пересветов, а практиком – Иван IV; 4) идеалы русской вольницы (вольного казачества); 5) государственные (полуанархические) идеалы русского сектантства. В рамках настоящей статьи рассмотрим наиболее парадоксальные и, на пер-

вый взгляд, несовместимые в едином объекте – народном правосознании – феномены – идею диктатуры и идеалы русской вольницы.

Материалы и методы. Статья опирается, прежде всего, на фронтальный анализ первоисточников. Изучению подвергнут труд Н.Н. Алексеева "Русский народ и государство", исходя из социального контекста формирования описываемых в этом труде народно-государственных идеалов. Также анализируются исследования трудов И.С. Пересветова, политико-правовых взглядов Ивана IV, былин и других форм народного творчества. Кроме изучения и интерпретации первоисточников, в исследовании применяется сравнительный метод и метод обобщения. Проводится выделение содержательных черт названных народно-государственных идеалов, определяются общие и отличительные их черты. Сравнительный анализ опирается на диалектический закон единства и борьбы противоположностей. Этот документ применительно к теме статьи означает, что органичный характер народного правосознания не исключает, а предполагает наличие в нем противоположных представлений, находящихся в состоянии единства и борьбы. Особенности народно-государственных идеалов выводятся путем обобщения их наиболее существенных черт, при этом допускается определенное абстрагирование от деталей. В конечном счете итогом применения сравнительного метода выступает общее резюме о сущностном и содержательном родстве идеи диктатуры и идеалов народной вольницы.

Результаты. Содержание идеи диктатуры заключается в следующем. Данный народно-государственный идеал Н.Н. Алексеев связывает с именем московского писателя середины XVI века И.С. Пересветова. Приведем не-

сколько цитат из работы евразийца-правоведа «Русский народ и государство», чтобы показать, как мыслитель характеризует идею диктатуры. «Не веру Бог любит, но правду: Эта мысль должна резко отделять Пересветова от иосифлян. По-видимому он хочет сказать, что внешнее сияние храмов, внешнее благолепие и внешнее благочестие не заслуживают ещё божией любви. Через все его сочинения проходит противопоставление византийской монархии государству турецкого султана. В первой присутствовала вера, но не было правды; во второй, по его мнению, была правда, но не было истинной веры. И что же! Византия погибла, а турецкая монархия процветает. Греки потеряли правду и потому разгневали Бога неумолимым гневом и дали веру христианскую неверным на поругание. А Махмет султан заимствовал из христианских книг настоящую мудрость, установил у себя в государстве праведный суд и, не будучи христианином, приобрел милость божию. Пересветов, таким образом, является проводителем в Московии восточных, турецких симпатий. Уже не раз было указано, что симпатии эти были очень распространены в Московии, что на все турецкое была даже известная мода. Типичным представителем этих тенденций является и Иван Пересветов. Он идет так далеко, что готов турецкого султана сделать настоящим христианином. Но в чем же заключается эта «правда», которой более было у турок, чем у греков?... Для Пересветова правда не совпадает с милосердием и кротостью, напротив, качества эти он считает политически отрицательными и вредными... Правда государственная и совпадает прежде всего с царской грозой. Пересветов поэтому сторонник твердой единоличной власти, идеолог царского гнева и царской грозности». Как можно увидеть, евразиец-правовед вполне прозрачно описывает доктрину

И.С. Пересветова, как идеологию и политику жесткой диктаторской власти, которая при этом не требует религиозной легитимации, если добивается утверждения правды, правосудия, и не важно, какими средствами она этого достигает.

Далее, развивая рассуждения об идее диктатуры, Н.Н. Алексеев высказывает мысль, вообще редко применяемую для описания отечественных государственно-правовых учений: «Пересветов скорее не иосифлянин, он ближе к Макиавелли, его интересует государственная мощь сама по себе, а не с точки зрения её религиозных основ». Отсюда идеалом такого философа является восточный деспот, грозный царь, который призван прежде всего ввести в государство своё начало справедливости, устроить суды праведные, покарать несправедливых вельмож и лишить их власти и т. п., пересветовская монархия есть монархия социальная, но самое главное – она есть монархия, основанная на диктатуре некоторой избранной, особо организованной военной группы. «Такую группу, по мнению Пересветова, нет смысла составить из родовой аристократии, из вельмож и князей... Военная группа должна быть из средних людей, из «юнаков храбрых», числом так тысяч в двадцать. Так и царь Магомет завел при себе сорок тысяч янычар, стал платить им постоянное жалованье, держал их близко к себе, чтобы не было в государстве никакой измены. Янычары эти у него верные люди, любимцы, верно ему служат за царское жалованье». Так выглядит политико-правовая программа И.С. Пересветова в изложении Н.Н. Алексеева. Можно сказать, что мыслитель представляет евразийский взгляд на доктрину средневекового идеолога Московского царства. Политическая доктрина И.С. Пересветова – идея диктатуры – во многом нашла своё воплощение как раз в государственно-

правовых мероприятиях Ивана Грозного (Алексеев, 2003. С. 94–99). Правлению этого царя в литературе даются разные оценки, однако невозможно отрицать его негативные стороны, которые подчеркиваются как современными исследователями, так и мыслителями рубежа XVI–XVII веков (Золотухина, 2011. С. 93). По большому счету, Смута в России в 1601–1618 годах выступила во многом следствием реализации идеи диктатуры в опричный период царствования Ивана IV.

Основные моменты, показывающие содержание народно-государственных идеалов русской вольницы, состоят в следующем. Движение «русской вольницы», по мнению Н.Н. Алексеева, зародилось как раз в ответ на реализацию Иваном IV идеи диктатуры. «Политические мероприятия Ивана Грозного создали условия для широкого выхода жителей Московии из своего государства. С эпохи Грозного начинает разрастаться движение русской вольницы и начинает зреть подержанная ею великая московская смута XVII века» (Алексеев, 2003. С. 99). Можно усмотреть, по меньшей мере, две глубинные причины формирования русской вольницы именно в этот период. Первая – это существенно усилившийся гнет верховной государственной власти, ведь в отличие от Ивана III, который только сам начал державу держать, Иван IV воплотил идею диктатуры, радикально боролся с инакомыслием (иногда и со здравомыслием), репрессии коснулись не только правящего слоя, но и народных низов, пусть и не в таких масштабах, какие ему приписывают. Одной из форм реакции как раз и был выход за пределы власти Московского царства. Вторая причина видится нам в том, что ряд окраин Московии только при Иване III был покорен окончательно, была жива ещё память о вольной жизни, и касается это не только степных, но и

лесных краев (Вернадский, 2005. С. 123).

Для определения политических представлений русской вольницы в качестве материала может служить не домовитое, и не огосударственное казачество, «но те совершенно оригинальные в истории социальные образования, которые, вплоть до XVIII века, возникали за рубежами московской и литовской Руси, получили какие-то собственные оформления, жили совсем особым укладом экономической и политической жизни и находились с государством, смотря по обстоятельствам, во враждебных или мирных, договорных отношениях. Иногда к ним примыкали целые массы довольно случайного, беглого люда – всякой гольтыбы – и тогда массы эти выступали на политическую арену как самостоятельная революционная сила...». Далее мыслитель развивает картину государственного идеала казачьей вольности, анализируя политическое устройство Запорожской Сечи. Он дает этому политическому устройству следующую характеристику: «Словом, это была прямая демократия, – но следует прибавить, и демократия первобытная. Ее отличает прежде всего полное отсутствие начала права, которое мы замечаем, скажем, в «общей воле» Руссо. Оттого в казацкой демократии нет признания каких-либо личных прав, ни установленных (как у Руссо), ни естественных (как у Локка). В ней нет также никаких границ, определяющих компетенцию «общей сходки» и выбранных ею властей, в ней нет распределения функций. Оттого «гетманская» власть в ней деспотична, неограничена, так же как деспотична и власть веча или рады» (Алексеев, 2003. С. 100–101). Неустойчивость, непредсказуемость, инстинкты толпы, склонность к манипулированию на чувствах толпы, способность за короткий период вознести до небес, и низложить до подземного ми-

ра – вот далеко не полный перечень тех политических крайностей, которые при- сущи подобному общественному строю.

Далее евразиец-правовед ставит вопрос об определении какого-либо варианта формы правления у быта казацкого товарищества и отмечает, что практически невозможно применить к этому быту какие-либо современные государственно-правовые понятия: монархия, например, или республика. «Казацкие общины, как и древние русские народоправства, были республиками, имевшими своих князей и царей; и в то же время их можно назвать монархиями, власть в которых принадлежала народу. Когда русский крестьянин в 1917 году утверждал, что он хочет республику, да только с царем, он, по своему, не говорил никакой нелепости. Он просто жил ещё идеалами русской вольницы, идеалами казацкого «вольного товарищества», ибо идеал этот глубоко вкоренился в русскую народную душу. Он стал одной из стихий русской народной толщи, стихией также подземной, вулканической» (Алексеев, 2003. С. 101). Народные государственные и правовые идеалы вовсе не такие, какими их желает видеть просвещенная интеллигенция. Народ опирается на свои собственные представления, и может в мировоззрении сочетать совершенно несочетаемые вещи, как, например, идея диктатуры и идея вольницы. Кроме того, народные идеалы и не должны вписываться в разработанные интеллигенцией, получившей «передовое» европейское «образование», схемы. Народ, формулируя свои собственные представления о государстве, власти и властителе, опирается на свои собственные чувства и чаяния, которые крайне редко совпадают с чаяниями и чувствами интеллигенции (Назмутдинов, 2013. С. 144).

Развивая представление о

народном характере государственного идеала русской вольницы, Н.Н. Алексеев дает теперь этому идеалу, если так можно выразиться, общее понятие. «Изучая былинные представления нашего народа о государстве и князе, можно с полным правом говорить о казацком политическом идеале, который жил в душе нашего народа, представлялся стихией свободы, воли, известной реализацией народной мечты. Самое замечательное и заключается в том, что, когда народ наш закован был уже в железо и сталь империи, когда «на дыбы» вздернул Россию стальными удилами Великий Петр, казацкий идеал продолжал жить в русских лесах и степях, составляя стихию неопознанных нами до сих пор, но проявляющихся там и здесь настроений. Это, пожалуй, и была основная «философия государства» русского народа, понятная каждому крестьянину и ему близкая» (Алексеев, 2003. С. 102). Получается, что идеал русской вольницы Н.Н. Алексеев считает доминирующим в народном правосознании. И далее мыслитель выделяет основные моменты этого народно-государственного идеала.

«В русском былинном эпосе не выкристаллизовалось ещё понятие единого российского государства, – отмечает мыслитель-евразиец. – Россия представляется ещё совокупностью самостоятельных земель, городов и княжеств, промеж которых живут разбойники, страшные недруги и враги». Связующая страну сила, в соответствии с этими воззрениями, – это православная вера – «Русь едина, поскольку она православная, святая Русь». «Поэтому соединяющим моментом является не нация, а скорее, религия, – мирозерцание былин до известной степени допускает «интернационализм», в том смысле, в каком «интернациональным» являлся, например, старый католический мир, объединяя людей не по

нации, а по принадлежности к единой вере». Поэтому русские богатыри в былинах не гнушаются служить Царьграду против неверных басурман так же как и Стольному Киеву граду.

В народном эпосе присутствует и образ богатыря, набирающего дружину и нанимающегося на службу к князьям. Отсюда и властные отношения носят договорной, случайный характер. «Вообще Русь представляется стихией, где свободно и вольно, чисто анархически возникают властные отношения. Свободно бродят богатыри по русской земле, набирают вольные дружины, уезжают с ними в степь, бьются с басурманами, приходят к князьям и их выручают. Князья радуются богатырям, принимают их гостями, дарят им подарки. Не долг повиновения, а свободная воля – вот отношения богатырей к князю... В народном представлении отсутствует понятие княжеской и государевой службы, которой повинен народ» (Алексеев, 2003. С. 103). Насколько противоположен такой взгляд представлениям о военно-служилом характере Московского царства, описанном И.Л. Солоневичем (Солоневич, 2005. С. 364–375).

Далее Н.Н. Алексеев переходит к анализу идеального образа правителя в представлениях движения русской вольницы. «Любимый герой былинный, князь Владимир Красное Солнышко, – этот ласковый, обходительный человек, менее всего похож на государя московского стиля. Владимир есть князь казачий и князь народный. Он пирует вместе с богатырями, с боярами своими и с мужиками. Всем доступен его пир и со всеми он братается. На пиру князь Владимир имеет почет хозяйский, а не царский... Но, наряду с этими хорошими чертами, отмечает Н.Н. Алексеев, в народной стилизации, в лубке, этот князь обнаруживает целый ряд непривлекательных черт. Сопоставляя в своей фантазии образы «казака» и кня-

зя, народ наш видит больше положительных черт в первом, чем в последнем. В противоположность богатырям, особенно Илье Муромцу, князь Владимир стольно-киевский обнаруживает при всякой опасности непомерную трусость – порок всего более презираемый в богатырских сказаниях... Вообще трусливость князя проявляется во множестве случаев, и трудно найти в былинах хотя один случай, где бы он проявил мужество. Отмечая трусость и слабонервность князя, "сказатели" весьма часто изображают его в положениях довольно комических» (Алексеев, 2003. С. 105). Это уже другая сторона народного мировоззрения, и восприятие власти и ее носителей здесь идет уже не как первых и лучших людей, а как людей второсортных и посредственных, и мало к чему без помощи народа способных. Такая былинная характеристика правителя может быть истолкована как проявление меры реакции народных масс на все возрастающую на протяжении истории существования пропасть между правящим сословием и народными низами. Интеллигентская прослойка, дворянство позиционировали себя как представители всей нации, провозглашая за собой монопольное право на истинное восприятие народного счастья. Идея вольницы в этом отношении может считаться ответом на такую узурпацию интеллигенцией права выступать от имени народа, не являясь при этом его органичной частью.

Восприятие соотношения власти и народа в рамках идеала русской вольницы Н.Н. Алексеев рассматривает и через противостояние князя Владимира и богатырей. «Очень любопытны изображения моментов ссоры князя с богатырями. В былинах постоянно встречаются жалобы богатырей на Владимира, сетования на его неблагодарность, на то, что он не ценит народную,

богатырскую силу... Таким образом, казацкая, народная сила противопоставляет себя князю и высшим классам и требует к себе уважения. Дело доходит иногда до открытого столкновения с князем, которое изображается жуткими сценами обычного русского бунта). Инициатива примирения, согласно былинам, всегда исходит от князя, который бессилен против богатырей, против народа, и бессилен без них сам что-либо сделать против внешних врагов (Колесниченко, 2008. С. 122).

Такой вот довольно любопытный народно-государственный идеал Н.Н. Алексеев рассматривает в качестве четвертого проявления народного политического творчества. «Казацкий идеал, – отмечает, завершая его анализ, евриец-правовед, – можно назвать идеалом народным, демократическим. Согласно ему главная политическая сила – это народ, олицетворяемый в образе мифической, богатырской силы, в образе крестьянского сына, вольного казака Ильи Муромца и других богатырей, символизирующих также народную, земскую мощь. Но в то же время это демократия первобытная, кочевая, политически аморфная, полуанархическая. В ней нет места какому-нибудь организующему началу, нет места праву. На основе такого демократического быта может строиться степная казацкая вольница, но на ней не построишь никакого государственного порядка. Казацкий политический идеал есть идеал романтический, соответствующий Руси удельного периода, быту Запорожской Сечи, полукочевым условиям русских степей. Оттого он и лишен практической политической программы, не обладает планом собственного государственного строительства. В русской истории был целый ряд моментов, когда казацкий идеал из мечты становился действительностью. Таково было Смутное время, бунт Стеньки Разина, бунт

Пугачева. В Смутное время казаки стояли какой-то период у власти, имели своего князя на манер былинного. Пугачев почти что захватил Россию и ещё один момент – он был бы во главе русского правительства, поддерживаемого «кабацкими голями». Нравы, которые господствовали в лагере Тушинского вора, или Пугачева, дословно напоминали былинный княжеский быт, а сами казацкие властители стояли приблизительно в положении былинных князей. Последним словом политической мудрости всех этих движений было избрание царя по образу официального правителя России – объявление самозванца. Не построение новых политических форм, но беспомощное подражание старым – такова особенность казацкого идеала» (Алексеев, 2003. С. 106–107). Насколько любопытна и неоднозначна оценка Н.Н. Алексеевым идеалов движения русской вольницы. Необходимо теперь провести сравнительный анализ этих идеалов с идеей диктатуры, чтобы выявить общие черты, отличия, и ответить на вопрос о том, насколько ли несовместимы два анализируемых народно-государственных идеала.

Дискуссия. Сравнительный анализ идеи диктатуры и государственных идеалов русской вольницы. Как мы увидели, и идея диктатуры, и идеалы русской казацкой вольницы в равной мере рассматриваются Н.Н. Алексеевым в статусе народно-государственных идеалов. Возникает резонный вопрос: как в народном правосознании может сочетаться по сути несовместимое, и как народу своей психологией удалось эти идеалы показывать как собственные, органично присущие этническому менталитету. Есть необходимость логически осмыслить и рационалистически попытаться объяснить данный факт. С иррациональной точки зрения здесь, разумеется, противоречий нет, но научное познание действительности также

предполагает в качестве обязательного и разумное объяснение.

Обратимся к основным законам диалектики. К анализируемой ситуации применимым необходимо считать закон единства и борьбы противоположностей. В литературе указывается, что «данный закон вскрывает источник развития, заключающийся в том, что в каждом органично целостном объекте, явлении, предмете изначально изложены противоположные качества, стороны, тенденции, единство и борьба которых составляют стимул, движущую силу развития» (Бессонов, 1989. С. 259–260). Таким образом, наличие противоположностей в оценках одного и того же идеального объекта – идеального государства, – в рамках единого феномена «народное правосознание», – не исключается, а предполагается в связи с органичной целостностью данного объекта. А.П. Шептулин поясняет основные компоненты закона единства и борьбы противоположностей: «Стороны, имеющие противоположные направления изменений, противоположные тенденции развития, называются противоположными сторонами, или противоположностями, а взаимодействия или взаимоотношения между ними составляют противоречие, или борьбу противоположностей» (Шептулин, 1966. С. 75). Получается, что закон единства и борьбы противоположностей определяется философами через категорию диалектического противоречия. «Диалектическое противоречие есть объективное, сущностное отношение единства и борьбы, взаимополагания, взаимоисключения и взаимопроникновения противоположностей в предметах, процессах, явлениях природы, общества и познания. Оно содержится в сущности вещей, объектов и познается в процессе практики и научного мышления. Диалектическое противоречие является источником, движущей силой развития» (Бессо-

нов, 1989. С. 263). Видимое противоречие между идеалом диктатуры и идеалами русской вольницы может быть определено как носящее характер диалектического, оно подчеркивает органичный и развивающийся характер народного правосознания, его всестороннее восприятие государства и носителей власти.

Возникает закономерный вопрос: настолько ли противоречивы между собой идея диктатуры и те идеи, которых придерживается движение русской вольницы. Народно-государственный идеал диктатуры, описываемый Н.Н. Алексеевым, если выразиться предельно тезисно, сводится к следующему: 1) главное для государства – не истинная вера, а правда, правда выше всех остальных ценностей; 2) в государстве должна быть обеспечена правда, основными препятствиями которой выступают произвол вельмож и порабощение; 3) для преодоления этих препятствий необходимы самые жесткие меры, и правитель при установлении правды ничем не ограничен, ибо «правда государственная совпадает прежде всего с царскою грозой»; 4) царю при установлении правды в помощь должна быть создана особая группа немногих избранных людей – опричников; 5) диктатура в целом носит деструктивный характер, при ее реализации цена оказывается слишком велика и измеряется человеческими жертвами, а результат – достижение правды в государстве, – так и не был достигнут, при этом одним из следствий опричной политики Ивана Грозного выступает погружение России в Смуту в начале XVII века; таким образом, царь ограничен правдой, основной обязанностью его является установление этой правды, в противном случае государство рухнет, и правда эта может быть установлена, если будет образована особая группа избранных людей, правомочная применять любые, даже

самые жестокие методы, но плоды такой политики оказываются больше негативными, чем позитивными.

Аналогично можно определить основные обобщенные черты государственного идеала русской вольницы. Во-первых, движение, получившее наименование русской вольницы, зародилось в ответ на реализуемую Иваном Грозным идею диктатуры. Во-вторых, идеалы русской вольницы так или иначе корнями уходили в историческую эпоху Удельной Руси, в домосковский период. В-третьих, социальной основой выступило казачество, вольный гулящий люд, который проживал за пределами Московской и Литовской Руси, на «порубежье», не находящийся непосредственно на государственных территориях, а осуществляющий свою деятельность в так называемом Диком поле. В-четвертых, управленческий строй такого казачества был близок первобытному, представляя собой сочетание военной демократии и вождества, человек, личность одинаково были бесправны и перед властью гетмана, атамана, и перед властью схода, веча, это своего рода демократическая диктатура, или же диктатура демократии (Серегин, 2018. С. 6). В-пятых, в народно-государственном идеале русской вольницы ещё не оформилась идея централизованного национального государства, а в качестве объединяющего фактора различных земель и княжеств рассматривалась православная вера. В-шестых, народ в таких идеалах отождествляется с богатырями – вольными войнами и героями, которые поступают на службу к правителям и свободны в их выборе. Отсюда, в-седьмых, отношения между властью и народом в анализируемом государственном идеале рассматриваются как договорные, носящие случайный характер, и осуществляемые на началах паритета и равноправия сторон. Наконец, в-восьмых,

идеальный (точнее говоря, стилизованный) государь – князь Владимир Красное Солнышко – воспринимается как человек далеко не героического плана, трусливый, беспомощный, слабонервный, ничего не способный сделать из своих княжеских обязанностей без представителей народа, т. е. богатырей. В-девятых, Н.Н. Алексеев отмечает также преимущественно деструктивный характер народно-государственного идеала русской вольницы, создавая собственное государство. Эта вольница могла лишь пародировать официальные государственные органы и максимум – провозгласить царем самозванца.

Как видим, наряду с некоторыми принципиальными различиями между идеей диктатуры и идеалами движения русской вольницы, наблюдается достаточное количество общих черт, позволяющих утверждать, что эти два народно-государственных идеала не настолько несовместимы, как может показаться на первый взгляд. Сходство проявляется, в частности, в следующем: 1) оба названных народно-государственных идеала носят деструктивный характер, что проявляется либо в неспособности создать альтернативный государственный и общественный строй, либо в разрушительных последствиях попытки реализации того или иного идеала; 2) и в том, и в другом идеале деятельность правителя подкрепляется существованием либо коллегиального органа (казачий круг, вече и т. п.), либо избранной группой лиц (опричнина), посредством которых реализуется государственная политика; 3) методы государственной власти ничем не ограничены, для реализации целей правления, либо в случае возникновения конфликта как правитель, так и богатыри (народ) не гнушаются самых грубых форм насилия; 4) отдельная личность, ее права и свободы вообще не находят отражения в иде-

альных представлениях о «правде» или «вольнице», вопрос об этом не ставится; 5) как итог – деспотизм власти в той или иной ее форме, как произвол диктатора, или как произвол «народной демократии». В итоге идею диктатуры и идеалы казацкой народной вольницы можно рассматривать как крайности восточного азиатского деспотизма, официально в более сдержанной форме представленного в господствующей государственной идеологии иосифлянства.

Заключение. Таким образом, между народно-государственным идеалом диктатуры и народно-государственными идеалами движения русской вольницы существует довольно много общих черт. Главное, что их объединяет – это проявления стихийного народного правосознания, высвободившиеся после крушения господствующей в дореволюционной России иосифлянской политико-правовой идеологии в ходе революции 1917 года, деспотичные по характеру и содержанию, влекущие значительные челове-

ские жертвы в ходе реализации – по последствиям, не носящие гуманистического характера по отношению к личности, ее правам и свободам. Однако, это ещё и проявления политических ожиданий крестьянских народных масс, составлявших подавляющее большинство населения Российской Империи, которые нельзя было игнорировать правящим кругам. Но они совершили историческую ошибку, приняв представления незначительной интеллигентской прослойки российского общества за взгляды всего общества, что послужило одной из идеологических причин революции 1917 года и гражданской войны. Исторические примеры поучительны и показывают наглядно необходимость глубокого антропологического изучения общественного мнения, политико-правовых взглядов народных масс, широких слоев населения, чтобы получить полноценное представление о существующих в общественном правосознании народно-государственных идеалов.

Библиографический список

Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 2003. 640 с.
Бессонов Б.Н. Диалектический материализм. М.: Мысль, 1989. 397 с.
Борщ И.В. Николай Алексеев как философ права. М.: Юрлитинформ, 2015. 168 с.
Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. 339 с.
Глебов С.В. Евразийство между империей и модерном: история в документах. М.: Новое издательство, 2009. 630 с.
Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М.: АСТ: АСТРЕЛЬ, 2010. 434 с.
Золотухина Н.М. Смута глазами государева дьяка Ивана Тимофеева. М.: Юрлитинформ, 2011. 192 с.
Колесниченко Ю.В. Личность в евразийстве. Гносеологические основания. М.: Альфа-М, 2008. 144 с.
Назмутдинов Б.В. Законы из-за границы: политико-правовые аспекты классического евразийства. М.:

Норма, 2017. 272 с.
Назмутдинов Б.В. Политико-правовые воззрения евразийцев в российском государствоведении XX века. М.: Национальный исследовательский университет "Высшей школы экономики", 2013. 247 с.
Савицкий П.Н. Континент – Океан (Россия и мировой рынок) // Исход к Востоку. Философия Евразийства. М.: "Добросвет", 2016. С. 166–193.
Серегин А.В. Демократическая диктатура и самодержавное народоправство: сравнительно-правовое исследование государственных моделей управления. М.: Юрлитинформ, 2018. 208 с.
Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: Издательство «Римис», 2005. 472 с.
Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана: взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. М.: Алгоритм: Эксмо, 2012. 336 с.
Шептулин А.П. Основные законы диалектики. М.: Наука, 1966. 186 с.

References

Alekseev N.N. (2003) Russian people and state. Moscow: Agraf, 640 p. (In Russ.)

Bessonov B.N. Dialectical Materialism. Moscow: Mysl', 1989. 397 p. (In Russ.)

Borscht I.V. (2015) Nikolai Alekseev as Philosopher of Law. Moscow: Yurlitinform, 168 p. (In Russ.)
Vernadsky G.V. (2005) The Experience of the History of Eurasia. The links of Russian culture. Moscow: Partnership of scientific publications of KMK. 339 p. (In Russ.)
Glebov S.V. (2009) Eurasianism between empire and modernism: history in documents. Moscow: New Publisher. 630 p. (In Russ.)
Gumilev L.N. (2010) An End and a New Beginning. Moscow: AST: ASTREL, 434 p. (In Russ.)
Zolotukhina N.M. (2011) Troubles through the eyes of the Sovereign deacon Ivan Timofeev. Moscow: Yurlitinform, 192 p. (In Russ.)
Kolesnichenko Yu.V. (2008) Personality in Eurasianism. Gnoseological grounds. Moscow: Alpha-M. 144 p. (In Russ.)
Nazmutdinov B.V. (2017) Laws from abroad: political and legal aspects of classical Eurasianism. Moscow: Norm. 272 p. (In Russ.)

Критерии авторства

Е.А. Куликов выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Куликов Егор Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Алтайский государственный университет, 656049, г. Барнаул, проспект Ленина, 61, Россия, ✉ e-mail: kulikoveg@yandex.ru

Nazmutdinov B.V. (2013) Political-legal views of Eurasians in Russian state studies of XX century. Moscow: National Research University "Higher School of Economics". 339 p. (In Russ.)
Savickiy P.N. (2016) Continent - Ocean (Russia and World Market). *East. Philosophy of Eurasianism Exodus to the East*. Philosophy of Eurasianism. Moscow: Dobrosvet. P. 166–193 (In Russ.)
Seregin A.V. (2018) Democratic dictatorship and autocratic national legislation: comparative legal research of the state models of management. Moscow: Yurlitinform, 208 p. (In Russ.)
Solonevich I.L. (2005) People's monarchy. Moscow: Rimis. 472 p. (In Russ.)
Trubetskoy N.S. (2012) Genghis Khan's Legacy: a view on Russian history not from the west but from the east. Moscow: Algorithm: Ecsmo. 336 p. (In Russ.)
Sheptulin A.P. (1966) Basic laws of dialectics. Moscow: Science. 186 p. (In Russ.)

Criteria for Authorship

E.A. Kulikov has conducted research, summarized the results, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright in this article and bears responsibility for its originality.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Information about the author

Egor A. Kulikov, Cand. Sci. (Juridical Sciences), Associate Professor of Criminal Law and Criminology Department of Altai State University, 61 Lenin Avenue, Barnaul, 656049, Russia, ✉ e-mail: kulikoveg@yandex.ru